

УТВЕРЖДАЮ:

Зам. проректора по науке
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина»
доктор. физ.-мат. наук А. О. Иванов

«10» июня 2019

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

о диссертации Радионовой Аллы Владимировны
«Лиро-философский метатекст в русской литературе»,

представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10. 01. 01 – Русская литература

Центральная для диссертационного исследования А.В. Радионовой проблема соотношения лирики и философского дискурса была уже неоднократно рассмотрена в отечественном литературоведении, причем в различных аспектах и с различных методологических позиций. Упомянем лишь широко известные опыты изучения философской лирики Л.Я. Гинзбург и Е.А. Маймина, предпринятое Л.М. Щемелевой обоснование философского типа сознания в лирике, а также разработанную Р.С. Спивак теорию философского метажанра. Но и в этом представительном ряду достаточно авторитетных научных теорий постулируемая А.В. Радионовой концепция лиро-философского метатекста (далее сокращенно – ЛФМ) выглядит в высшей степени оригинальной. Ее новизна обусловлена исходным пунктом, а именно – признанием органического родства лирического и философского типов мышления, более того, их взаимной обусловленности и конвергенции, проявляющихся в самых различных формах и практически на всех этапах литературного развития. Все это свидетельствует в пользу несомненной **актуальности** вынесенного на защиту диссертационного исследования.

Научная новизна, личный вклад соискателя в разработку проблемы. В отличие от своих предшественников, которые проблему конвергенции философских и лирических текстов решали на материале наиболее репрезентативной жанровой разновидности – собственно философской лирики, А.В. Радионова начинает с того, что серьезно расширяет исследуемый материал за счет привлечения обширнейшего корпуса поэтических текстов, не обязательно напрямую соотнесенных с

общепризнанными образцами философско-медитативной лирики. Главным конституирующим (и вполне достаточным) критерием, который диссертант устанавливает для ЛФМ, это проявление в самих лирических текстах (прежде всего на их лексическом уровне) отдельных философских понятий, отсылающих к семантическим полям «онтологическое», «экзистенциальное», «этическое» и «эстетическое», что, собственно говоря, и репрезентирует область «философского» в самом широком смысле.

ЛФМ понимается автором как «сверхтекстовое образование, в котором поэты в поэтической форме рассматривают вопросы бытия, человеческих ценностей, искусства» (с. 21). При этом утверждается, что ЛФМ – это, прежде всего, всё стихотворение или его фрагмент, включающие соответствующие философскому типу размышления темы и тематические комплексы (например, онтологические, экзистенциальные, социальные, этические, эстетические). На основе выработанной оригинальной теоретической концепции А.В. Радионова предлагает достаточно выверенную типологию ЛФМ с учетом различных оснований: 1) *межсистемный, транссистемный, автосистемный, внесистемный*; 2) *онтологический, этический, эстетический*.

Осмысление проблематики, связанной с главным предметом исследования, потребовало от автора диссертации и разработки собственного аналитического инструментария.

Во-первых, это касается такого базового понятия, предельно детализированного в диссертации, как «лирическая ситуация». Типологический подход к данной категории позволил выделить такие виды ситуаций в лирике, как *бытийная, событийная, панорамная, объектно- и субъектно-бытийная, трансцендентная, ситуация-credo*. Как показывает А.В. Радионова, выходящий за границы жанрового образования собственно философской лирики ЛФМ проявляет себя по преимуществу в общебытийных ситуациях самой различной модификации (процессуальных, презентационных и панорамных, а также трансцендентных). Отмечается, что при сочетании с ситуацией другого типа (например, событийно-нарративной) бытийная ситуация выполняет функцию философского обобщения: подобные случаи поэтической дедукции / индукции убедительно демонстрируются в практических анализах и разборах стихотворений конкретных авторов.

Во-вторых, в рассматриваемой диссертации находит теоретическое обоснование и получает свое практическое применение такая важнейшая поэтологическая категория, как «лирическая композиция». Диссертант предлагает, с нашей точки зрения, вполне удачную типологию лирических

композиций (*контрастная, параллельная, обобщающая, последовательная, возвратно-последовательная, усложненная, синтезирующая*), а также выявляет их роль в формировании ЛФМ. Без преувеличения можно сказать, что после классических работ В.М. Жирмунского, Г.А. Шенгели и Е.Г. Эткинда по этому вопросу мы сталкиваемся с действительно новым и системно осуществленным опытом структурно-феноменологического осмысления стиховых композиций в лирике.

В-третьих, детальную проработку в диссертации получила тематическая парадигма ЛФМ *сферы ментального*. Значительную теоретическую и практическую ценность представило также выделение внутренней структуры *субъектной парадигмы надындивидуального сознания* в лирике (акцентировка *коллективного* и *сверхчеловеческого* сознаний и их более частных модификаций), без чего вообще трудно представить анализ и интерпретацию стихотворных текстов, относящихся к ЛФМ.

Уровень научного анализа, адекватность использованных методов исследования. В диссертации А.В. Радионовой предпринят системно-структурный подход к ЛФМ, успешно преодолевающий пресловутое дуалистическое противоречие между формой и содержанием. По мысли диссертанта, конституирующими компонентами ЛФМ выступают темы, образы и мотивы, а также некоторые структурно-композиционные и стилевые особенности текста. Поэтому принципиально важным в этом отношении становится одновременный учет целого комплекса элементов тематического, мотивного и композиционного уровней, особенностей субъектной и пространственно-временной организации, лексико-синтаксических и грамматических конструкций, аспектов коммуникативности и модальности. Все это позволило диссертанту теоретически обосновать и применить на практике адекватные предмету исследования методологические принципы.

Важнейшая особенность диссертационной работы А.В. Радионовой стала ее выдержанность в духе научной школы Вадима Соломоновича Баевского и его учеников, что предполагает серьезную опору на достижения современной лингвопоэтики, а также активное использование технологии формально-морфологического и структурального анализа. Особенно это проявилось в пристрастии автора к созданию типологических схем и установлению конкретных текстуальных параллелей, нашедших свое отражение во внушительной серии Приложений к основному тексту диссертации (общим числом 9 Приложений).

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования не может быть подвергнута сомнению. Прежде всего отметим

его глубокий теоретический потенциал, эвристичность многих предложенных в нем теоретических понятий и дефиниций (типология лирических ситуаций, виды лирических композиций, структура сферы ментального, тип стихотворения-credo). Активное использование этих рабочих категорий самим диссертантом в практике анализа и интерпретации конкретных лирических текстов доказывает их научную состоятельность и продуктивность. Предпринятое А.В. Радионовой системно-комплексное рассмотрение ЛФМ в русской поэзии конца XVIII–XX веков (по сути, от Г. Державина до И. Бродского) открывает серьезнейшие перспективы для обобщений самого широчайшего плана в свете исторической поэтики.

Далее, осуществляя обзор основных глав диссертации (со второй по пятую), акцентируем лишь наиболее существенные и перспективные, на наш взгляд, наблюдения и выводы соискателя.

Предпринятое А.В. Радионовой в **разделе 2.1** обращение к натурфилософской лирике Ф.И. Тютчева (заметим, первого в череде монографически исследуемых авторов), казалось бы, совершенно предсказуемо: связь с философской системой Шеллинга, подкрепленная не просто типологическими схождениями, но прямыми контактно-генетическими связями, – в общем уже давно стала общим местом отечественного тютчеведения. Но диссертантом предложен достаточно оригинальный подход, предполагающий как фиксирование новых, достаточно нетривиальных (хотя далеко не всегда бесспорных) параллельных схождений тютчевской поэзии и отдельных фрагментов философии Шеллинга, так и выявление (что представляется особенно важным и перспективным) структурно-композиционных форм воплощения ЛФМ у Тютчева.

Вряд ли Тютчева можно назвать эпигоном философских идей Шеллинга, равно как и немецким романтиком, который писал на русском языке (мысль В.Н. Топорова). Как справедливо отмечает автор диссертации, в стихотворении Тютчева «Лебедь» оппозиция *орел – лебедь* откровенно полемична по отношению к философским представлениям Шеллинга. Но данный ряд противопоставлений можно было бы продолжить. Подобная смысловая оппозиция поддерживается целым рядом других стихотворений («Странник», «Безумие», «На Неве»). Не случайно в последнем тексте характеристика пространства «И меж зыбью и звездою» уводит к архетипу срединного существования, «двойного бытия», свойственного именно лебедю. Та же, по сути, картина парадоксального схождения-отталкивания намечается и в освоении образа поэта-«водоискателя» у Тютчева: с одной стороны, рассмотренное диссертантом стихотворение «Иным достался от

природы...», а с другой – к сожалению, даже не упомянутое стихотворение «Безумие» с его явно полемической направленностью по отношению не только к пушкинскому «Пророку».

Параллельно сюжету текстуальных переключек между Тютчевым и Шеллингом в диссертации разворачивается и другой сюжет, который становится доминирующим – рассмотрение различных типов лирических композиций (контрастной, параллельной, обобщающей, последовательной, усложненной, синтезирующей) и их роли в формировании ЛФМ тютчевской поэзии. Особенно примечательной, на наш взгляд, является обоснование в лирике Тютчева такого вида композиции, как «композиция двойного контраста» (с. 66). Природа данного явления, по мысли автора диссертации, состоит в совмещении в рамках отдельного произведения пространственно-временных, субъектных и модальных оппозиций, что убедительно рассмотрено на примере широкого корпуса тютчевских стихотворений.

В **разделе 2.2** на примере лирики Н. Гумилева диссертант прослеживает формирование транссистемного ЛФМ, когда предполагается, что поэт последующего времени, уже эпохи Серебряного века, ориентируется на другого поэта – своего предшественника (в данном случае – Тютчева), а через него и на отдельные элементы шеллингианской философии. Нельзя сказать, что подобная гипотеза (при отвлечении лирики Гумилева от исторического контекста и эстетической парадигмы модернизма) представляется нам вполне убедительной. Но несомненная значимость представленных в этом разделе наблюдений состоит в акцентировке таких видов композиций, как *усложненная, кольцевая, последовательная, синтезирующая* и др., что открывает путь к систематическому осмыслению феноменологии лирических композиций в лирике.

Содержание **третьей главы** (особенно разделов 3.2 и 3.3), посвященных лирике самобытных поэтов-философов – А.Ф. Лосеву и С.М. Соловьеву, можно считать, пожалуй, самым удачным в диссертационном исследовании. Именно автосистемный ЛФМ, обусловленный философскими учениями и взглядами самих поэтов-философов, обнаруживает в чистом виде явление конвергенции лирики и философско-религиозного дискурса. Прослеживание в стихах А.Ф. Лосева онтологических символов, связанных с центральными темами «вселенная», «мир», «мироздание», находит убедительное подкрепление в Приложении Г (таблица Г. 5), в которой систематизирован богатейший текстовой материал малоизвестных стихотворений этого ученого, философа и мыслителя. В поэтической практике С.М. Соловьева отслежено использование религиозных тем и мотивов (пути, странствия, синергии, прозрения), включенных в сферу библейской событийности.

Диссертант убедительно показывает, что библейская событийность в рамках ЛФМ всегда имеет бытийное значение.

В **четвертой главе** рассматриваются особенности лирических ситуаций с онтологическим, этическим и эстетическим метатекстом. В **разделе 4.1** онтологический ЛФМ представлен поэтическими системами двух совершенно разных авторов – Ф. Глинки и Н. Гумилева, но объединенных общим пристрастием к эстетике трансцендирования, к системному освоению в лирике онтологической трансцендентной ситуации. Так, анализ философско-мистических мотивов в откровенно спиритуалистической лирике Ф. Глинки показывает, что его трансцендентный мир не определен в строгой религиозной традиции. Выделение наиболее характерных для данного поэта способов трансцендирования лирического субъекта представляется очень важным в контексте конвергенции лирики и философско-религиозного (мистико-спиритуалистического) дискурса.

В **разделе 4.2** в анализе этических бытийных ситуаций акцентирован особый тип *ситуации-credo*, отличительной особенностью которого, по мысли диссертанта, становится ярко выраженная самопрезентация субъекта (его рациональных убеждений, эмоциональных реакций, поведенческой активности), или откровенная декларация его этической установки. Credo рассматривается как одна из самых распространенных парадигм этического ЛФМ, при этом оговаривается, что подобный «тип лирических ситуаций можно наблюдать в разных жанрах» (с. 220). Тем самым намечается кластерный подход к такому специфическому новообразованию в лирике, как стихотворение-credo.

В **разделе 4.3** в ходе сравнительного анализа конкретных стихотворений Пушкина и Тютчева, Гумилева и Пастернака выводится типологическая модель самой универсальной эстетической бытийной ситуации – ситуации *поэт творит*, предполагающая, как правило, двухчастную композиционную структуру, тенденцию к усилению динамики во второй части, ряд устойчивых оппозиций (*покой – движение, холод – жар, смерть – жизнь*). При этом справедливо подчеркивается, что «лирика начала XX века тяготеет к аморфности мотивной структуры по сравнению с четко организованной мотивной структурой XIX века» (с. 265).

Пятая глава в структуре диссертационного исследования играет роль своеобразного завершающего звена, своего рода метарефлексии, когда человеческая мысль, по сути, обращается на самое себя, пытаясь внутренне упорядочить в виде системы парадигм и подпарадигм сферу ментального. При этом метатекст сознания (раздел 5.1) описывается диссертантом с использованием приемов метафоры и метонимии, т. е. по принципу или

сходства (*сознание движется, сознание – свет, сознание как труд*), или смежности (*ситуация ночного размышления – зрение – слух – память*). Использование богатого иллюстративного ряда, практически необозримого множества примеров, привлечение широких культурологических контекстов выгодно отличает данный раздел диссертации. Завершает главу характеристика ЛФМ с точки зрения его необычного субъекта, включенного в парадигму надындивидуального сознания – коллективного (общечеловеческого, социального и группового) или сверхчеловеческого (Божественного, мирового разума, космического или природного).

Масштабность поставленных в диссертационном исследовании проблем естественным образом порождает и **ряд полемических замечаний**. Ограничимся лишь самыми основными.

1) Лирико-философский метатекст в работе А.В. Радионовой определяется, с одной стороны, как сверхтекстовое образование, а с другой – как «текст или фрагмент текста с набором характерных черт» (с. 22). В связи с этим возникает вопрос о соотношении исходного рабочего понятия «метатекст» с такими смежными категориями, как сверхтекст, интертекст, подтекст и интекст (или прототекст). Опора соискателя на отдельные высказывания Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Н.А. Кузьминой, Р.С. Спивак и др. далеко не во всем убеждают. Вызывает недоумение, чем вызваны преимущественный статус и предпочтение именно данной номинации «метатекст», тем более, если учесть, что в самой работе в ходе выявления философской проблематики в лирике и структурно-композиционных и стилевых форм ее воплощения не проводится принципиального различия между философским рассуждением как таковым и специфическим рассуждением, содержащим эксплицитные формы авторефлексии (иначе говоря, «текст о тексте»).

2) Автор диссертации исходит из слишком широкого понимания философичности, оставляя за рамками «философского», по собственному признанию, лишь «чувственно-психологическое» и «нарративно-событийное». Однако нередко все три указанные начала включаются в рассматриваемые стихотворения на правах доминанты или субдоминанты. Кроме того, уже вполне достаточным, по мысли диссертанта, маркером «философского» на тематическом уровне становятся лексемы, относящиеся к семантическим полям *экзистенциальное, гносеология и эстетика*, что само по себе, конечно, может иметь место и в повседневной бытовой речи. При этом все-таки хотелось бы прояснить некоторые различия между бытийной (или онтологической), экзистенциальной и мифопоэтической тематикой в лирике. Можно ли говорить об «онтологической лирике» (термин Е.М.

Таборисской) как отдельной жанровой разновидности внутри ЛФМ? В чем принципиальные различия между «поэзией мысли» и «поэзией смыслов» (терминологические понятия Л.Я. Гинзбург) и насколько это оказывается важным в аспекте отстаиваемой автором теоретической концепции?

3) В диссертации А.В. Радионовой, как нам представляется, допущен серьезный крен в сторону абстрактно-теоретических построений – в обход конкретных закономерностей историко-литературного развития. Хочется напомнить, что история литературы предполагает внимание к отдельным персоналиям или целостным периодам историко-литературного процесса, а историческая поэтика прежде всего сосредоточена на проблеме эволюционного развития форм художественного сознания. В диссертации же сближение отдельных авторов (например, Державина и Пушкина, Тютчева и Гумилева, Ф. Глинки и Бродского) зачастую оборачивается игнорированием тех принципиальных различий, которые поставлены в зависимость от смены специфических парадигм художественности, таких как классицизм, романтизм, постромантизм, модернизм и т.д. Подобный откровенно-дедуктивный подход к литературному материалу, имеющий своей задачей не столько обрисовать целостную картину художественно-эстетического феномена, сколько проиллюстрировать заданную самим автором концептуальную схему, более свойственен работам сугубо теоретического плана. Однако, в оправдание автора следует заметить, что если по методологической установке диссертационное исследование А. В. Радионовой и сближается с работами по теории литературы, то в плане охвата собственно литературного материала и его репрезентативности (практически все поэтическое наследие Ф. Тютчева, Н. Гумилева и А. Ф. Лосева, а также дополнительно еще 465 текстов 45 авторов от Г. Державина до И. Бродского) представляет собой тщательно продуманную серию законченных историко-поэтологических очерков, соответствующих заявленному паспорту специальности.

Позволим себе также несколько **вопросов и замечаний более частного порядка.**

1) Чем объяснить при таком внушительном корпусе рассматриваемых в диссертации стихотворений, насчитывающем более 1000 единиц, полное отсутствие имени Д. Веневитинова и досадно малую представительность философских стихотворений А. Фета (2) и Вяч. Иванова (1)? Думается, даже при всем скепсисе автора диссертации в отношении к собственно философской лирике как отдельной жанровой разновидности необходимо помнить, что выстраивание наиболее продуктивной

теоретической модели ЛФМ невозможно без опоры на наиболее репрезентативных в этом плане философских поэтов-лириков.

2) В Списке литературы мы, к сожалению, не досчитались целого ряда важнейших источников как общетеоретического, так и историко-литературного значения. Речь идет об исследованиях Е.М. Таборисской, посвященных «онтологической лирике», о ранней статье Л.Я. Гинзбург «Опыт философской лирики» (1929). В разделе, посвященном Тютчеву, совершенно обойдены вниманием такие этапные и ставшие уже классическими исследования Л.В. Пумпянского («Поэзия Ф. И. Тютчева», 1928), Б.М. Козырева («Письма о Тютчеве», 1967), Ю.И. Левина «Инвариантный сюжет лирики Тютчева», 1990), И.Л. Альми («О типах художественного осмысления действительности в поэзии Ф.И. Тютчева: символ, аллегория, миф», 2007).

3) Интерпретируя строчку Тютчева «Таков горе духов блаженных свет», диссертант пишет о каком-то «воздействии небесного света на гору и на бездну» (с. 81). На самом деле, речь у Тютчева идет не о горе и бездне (ср.: «В ночи греха, на дне ужасной бездны, / Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет»), а о небесах и преисподней, соответственно, о различном восприятии света праведниками и грешниками, что только подтверждает связь поэта с идеями христианской догматики.

4) В диссертации стихотворение Гумилева «Потомки Каина» рассматривается как пример контрастной композиции (с. 101). Но перед нами также образец сонетной формы, в которой решающую роль играет, как известно, соотношенность катренов и секстетов. В таком случае как можно было бы скорректировать интерпретацию данной лирической композиции с учетом указанного обстоятельства?

В заключение отметим, что текст автореферата и публикации автора достаточно полно отражают основные положения диссертации. Объемное монографическое исследование А.В. Радионовой «Лиро-философский метатекст в русской литературе» (Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. – 412 с.) и 18 статей, опубликованные в рецензируемых журналах, входящих как в международную базу данных, так и в перечень рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК, не оставляют сомнений в научной состоятельности вынесенного на защиту диссертационного исследования соискателя. Подтверждает это и широкий географический ареал научных публикаций А.В. Радионовой, включающий такие известные научные центры, как Смоленск, Москва, Орел, Саратов, Нижний Новгород, Казань, Томск и др.

Все вышесказанное позволяет заключить, что диссертация А.В. Радионовой «Лиро-философский метатекст в русской литературе»

представляет собой оригинальную, завершенную научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в рамках междисциплинарной парадигмы гуманитарного знания.

Представленное к защите по специальности 10.01.01 – Русская литература на соискание ученой степени доктора филологических наук диссертационное исследование Аллы Владимировны Радионовой отвечает требованиям действующего Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09. 2013 г., № 842, а его автор, Радионова Алла Владимировна, заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по указанной специальности.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук (специальность 10.01.01 – Русская литература), профессором кафедры русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет» Зыряновым Олегом Васильевичем, обсужден и единогласно утвержден на заседании кафедры русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет» от 6 июня 2019 г. (Протокол № 9).

Зав. кафедрой русской и зарубежной литературы
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет»
канд. филол. наук, доцент Назарова Лариса Александровна

Профессор кафедры русской и зарубежной литературы
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет»
докт. филол. наук, профессор Зырянов Олег Васильевич

Контакты:

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (УрФУ),
кафедра русской и зарубежной литературы
620002, Уральский федеральный округ, Свердловская область,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19
Тел.: +7 (343) 375-44-44
Факс: +7 (343) 375-45-07
e-mail: rector@urfu.ru, официальный сайт: <http://urfu.ru/>

Подпись Назаровой Л.А.
Заверяю: вед. документовед ОДОУ
С.В. Жуков